

АНАСТАСИЯ ЯВЦЕВА <https://orcid.org/0000-0002-4769-1035>

Самарский государственный социально-педагогический университет
Филологический факультет
Кафедра русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы
443099 Самара
ул. Максима Горького, д. 65/67
v.dorian@yandex.ru

**КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В ЛИРИКЕ
И. КОРМИЛЬЦЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ *КОГТИ*)****CULTURAL PATTERNS
IN ILYA KORMILTSEV'S POETRY
(BASED ON THE POEM *CLAWS*)**

Рок-поэзия является объектом пристального внимания отечественных исследователей, начиная еще с конца XX века. Становление рок-поэзии как феномена в мировом пространстве относится к концу 60-х годов, но вхождение ее в отечественное, российское, традиционно связывают с рубежом веков. Задача данного исследования – расшифровать используемые И. Кормильцевым в своих произведениях (большой частью известных как песни гр. «Наутилус Помпилиус») культурные коды на примере одного произведения *Когти*.

Ключевые слова: рок-поэзия, семиотика, культурные коды, метатекст, музыкальная культура, русская семиотическая школа.

Rock poetry has been attracting scholarly attention in Russia since the late 20th century. As a phenomenon of world culture, it dates back to the 1960s; in the Russian cultural sphere, however, its beginnings are usually associated with the turn of the 21st century. The aim of the present paper is to decipher and interpret the cultural codes used by Ilya Kormiltsev in his texts (mostly known as lyrics of the songs performed by the band Nautilus Pompilius). This is done on basis of the poem *Kogti* [*Claws*].

Translated from the Russian by Marta Kaźmierczak

Keywords: rock poetry; semiotics; cultural codes; metatext; musical culture; Russian semi-otic school.

Рок-поэзия, начиная с конца 1980-х годов, является объектом пристального внимания отечественных исследователей, искусствоведов и литературоведов. Становление рок-поэзии как культурного феномена на Западе относится к концу 1960-х годов, а в отечественную, российскую музыкальную практику входит на 10–15 лет позже.

Определенное влияние на решение проблемы малоизученности предмета исследования рубежа веков оказала одна из самых известных и основополагающих литературоведческих работ, написанная самим И. Кормильцевым совместно с О. Суровой в 1998 году *Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция*, напечатанная в журнале УрГПУ *Русская рок-поэзия: текст и контекст*, который ведет свою деятельность с 1998 года по сей день. В последние годы проблеме уделяли внимание Ю. В. Доманский в 2010 году с работой *Рок-поэзия: текст и контекст*, а также, если говорить о более частных случаях, А. С. Афанасьева с монографией *Гендерная картина мира в женской рок-поэзии* 2017 года.

Что же касается изучения непосредственно творчества И. Кормильцева, то стоит отметить, что тексты этого автора зачастую встречаются как составная часть исследования того или иного кода (символа) на материале большой выборки рок-авторов. Одна из самых крупных работ написана в 2017 году Александром Кушниром – *Кормильцев: Космос как воспоминание*. Однако, это работа посвящена, в большей степени, биографии автора, не содержа в себе анализ или интерпретацию творчества. В 2017 году также выпущена книга *Наутилус Помпилиус. Мы вошли в эту воду однажды* или *Повесть об Илье Кормильцеве* под авторством Д. Карасюка и Л. Порохни. Большим достижением в исследовании творчества И. Кормильцева является издание в 2016 уникального 3-х томного собрания сочинений, в которых содержатся стихотворные и прозаические работы Кормильцева, а также его интервью.

Сам И. Кормильцев в статье *Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция*, говорит о том, что только в 70-х – 80-х гг. «рок-поэзия как вербальный компонент рока оформляется в самостоятельный феномен»¹.

Под рок-поэзией в русской культуре новейшего времени традиционно понимают словесный компонент рок-композиции, в которой, кроме этого, есть компонент музыкальный и, условно говоря, перформативный, связанный с особенностями исполнения, но мы обращаемся только к анализу словесного, поэтического компонента.

В трактовке понятия культурного кода мы будем опираться, в большей степени, на работы Ю. М. Лотмана (*Семioticsфера, Текст как смыслопорождающее*

¹ И. Кормильцев, О. Сурова, *Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция*, [в:] *Русская поэзия: текст и контекст*, Тверь: Тверской государственный университет 1998, вып. 1, с. 5.

устройству). По Лотману, при создании любого художественного текста (в данном случае – и рок-текста), запускается кодирующий механизм языка, призванный запечатлеть в семиотической структуре – тексте – определенную авторскую мысль². При восприятии реципиентом текста, в свою очередь, запускается механизм декодирующий. Задача данного исследования – расшифровать используемые И. Кормильцевым в своих произведениях (большой частью известных как песни группы *Наутилус Помпилиус*) культурные коды на примере одного текста поэта – *Когти*, который был музыкально переосмыслен группой «Раэн i Компания».

В данном случае мы можем выдвинуть тезис о том, что рок-произведение – текст, является семиотической структурой, обладающей определенными функциями и внутренними многослойными кодами. Как и любому тексту, ему присуща семиотическая неравномерность: кроме функций передачи информации и порождения новых языков, текст выступает также как устройство, на вход которого подаются прежде циркулировавшие в культуре тексты, которые, пересекая его внутренние кодовые границы, трансформируются в новые сообщения. Необходимость в культурном коде возникает тогда, когда происходит переход от мира сигналов к миру смысла.

Культурный код – это то, что позволяет дешифровать преобразованные значения в смысл. Код – это правила формирования ряда конкретных сообщений. Все коды могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого и всеобъемлющего. Код позволяет проникнуть на смысловой уровень культуры, без знания кода культурный текст окажется закрытым. Культурные коды находятся внутри всех языков культуры, но найти их не просто – они проявляют себя при переходе с одного уровня смысла на другой.

Среди таковых в данном произведении мы выделили несколько: природный код, животный, временной, физиологический, эмоциональный коды. Они, в свою очередь, формируют более глубинные: религиозный, мифологический и космогонический.

В рассматриваемом тексте коды природный и временной тесно связаны. Так, составляющие природного кода – «ночь», «роса», «летняя гроза», «явился до зари», «спала в темноте», «явился утром» – являются атрибутами кода временного (именно благодаря шифровке природного кода мы ориентируемся во временной парадигме произведения). В свою очередь, временной код имеет независимый шифр, говорящий с адресатом напрямую: «две сотых секунды», «вновь» (2 раза), «наперед», «вдруг», а также несколько абстрактно: «стремясь изменить», «спутал час», «ожидая», «завершая»,

²Ю. М. Лотман, *Внутри мыслящих миров. Текст как смыслопорождающее устройство*, [в:] он же, *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи и исследования*, Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус 2014, с. 17–30.

«всегда». Данный ряд шифров вызывает определенную ассоциацию закольцованности: времени, цикла дня, событий и жизни. Это доказывают нам и последние строки текста:

...и я отшатнулся и вдруг усвоил науку кольца
я слышал шепот небес: Вера, Надежда, Любовь.
это было мое Всегда и оно хранило меня
и я исчез словно дым чтобы утром явиться вновь.

Наиболее выразительно проявляет себя животный код. Он берет свое начало уже в названии стихотворения и лейтмотивом проходит через все произведение: «рыжая кошка», «зашипела в углу», «агаты ее когтей», «когти» (2 раза), «зрочки тугих узлов». Кошачья тема сопровождает персонаж, который можно назвать ее «героиней», поскольку ей свойственны человеческие качества: смех («...и смеялась над тем кто был смел с яростью летней грозы»), способность к общению («она зашипела в углу, когда я сказал: ты лжешь!»), улыбка («она улыбнулась так будто знала все наперед»), реакция («и вновь нанесла удар при звуке знакомых слов»), человеческие части тела («рубцы на ее лице – повторенье моих рубцов» и обладание пальцами). Образ кошки здесь настолько силен, насколько и древен. Образ «рыжего кота» напрямую ассоциируется с древнеегипетским богом солнца Ра, который каждую ночь в образе рыжего кота, переплывает подземную реку и одерживает победу над Апопом, желающем погрузить все во тьму и хаос. Как утверждает Е. Блаватская, зрочки кошек также ассоциировались с фазами Луны³. Кошка – сторожит солнце и каждодневный свет. Это есть и в тексте:

...я открыл глаза этот свет странный свет без источника света
оставляя меня в тени осветил мне ее черты...

Отдельно стоит отметить такие составляющие животного кода, как: «побитый пес» (так называет себя лирический герой в начале стихотворения) и «хищник» (с которым он отождествляет себя уже в конце произведения). С одной стороны, мы можем предположить, что лирический герой символически является Апопом, который не хочет, чтобы свет появлялся, вновь и вновь пытаясь это остановить.

Нельзя забывать, что кошка традиционно связывается с женским началом, хитростью и грациозностью. В христианстве же кошка – это Сатана,

³ Е. П. Блаватская, *Тайная Доктрина. Синтез науки, религии и философии*, Рига 1937, т. 1, с. 734.

похоть и лень. Лирический герой данного текста «надежным нарратором» быть не может: он демонизирует образ героини, превращая ее в рыжую кошку, нападающую на него. Но он снова и снова начинает закольцованный путь, отчетливо вынимая наружу мотив предательства и мести. Явно заметно ущемленное мужское «Я» героя:

...и я отступил на шаг, предавая мужскую суть
и ушел как побитый пес вытирая густую кровь
оставив в ее когтях то чего не мог не вернуть.

В конце он сам понимает, что месть бесполезна. На самом деле, у героини нет когтей, а боль, которую он причиняет ей, отражается на ней ровно так же:

что рубцы на ее лице – повторенье моих рубцов
что на пальцах ее нет когтей – обоюдоострая плеть
тарасилась рядом с ней зрачками тугих узлов.

В развенчивании «демона» герой видит возможности мщения, «но ангел, паривший над ней, успел мне крикнуть: не смей!». В финале герой приходит к раскаянию («и вдруг усвоил науку кольца, я слышал шепот небес: Вера, Надежда, Любовь»), но не видит выхода: «и я исчез словно дым чтобы утром явиться вновь». Возможно, весь текст является моделью одного жизненного пути, в котором мы можем заметить неотвратимость его повторения без познания внутреннего прощения и смирения.

В тексте упоминается «барберийский лев»:

я шел на нее [казнь], я шел как пьяный христианский святой
на барберийского льва, я кажется даже пел...

Ныне исчезнувший вид львов, использовался римлянами для увеселительных боев с гладиаторами. Согласно хронике, на растерзание львам бросали и первых христиан, а также перебежчиков и дезертиров. В I–III веках н. э. казнь применялась преимущественно для расправы с ранними христианами, благодаря чему наряду со смертью на кресте стала одной из самых известных причин мученической кончины христианских святых⁴. Герой идет навстречу своей гибели, представляя себя великомучеником.

⁴ Г. И. Тираспольский, *Беседы с палачом. Казни, пытки и суровые наказания в Древнем Риме*, Москва: Intrada 2003, с. 192.

Здесь, наравне с прочими важен и физиологический код, контрастирующий с финалом стиха (герой «исчез словно дым»). Проявление эмоций (смех, избегание рук), глаголы движения («отступил», «ушел», «склонился», «отшатнулся» и др.), физическая боль («удар», «кровь», «боль», «рубцы» и др.) – говорят нам о чисто человеческом начале, как героя, так и героини. Если автор уделяет этому особое внимание, значит, мы можем предположить, что героям неприятны проявления слабостей человеческого тела. Не то что кошка или ангел, верно?

Обобщая все найденные нами коды, мы можем выделить три большие группы, коды которых неизбежно пересекаются в пространстве текста: христианский код, космогонический и мифологический. Автор выстраивает лестницу: от человеческого к вечностному. От мелких людских отношений к бесконечности повторений. Столь виртуозное переплетение кодов было бы невозможно без уже существующих культурных систем, но именно оно и дает нам то самое «новое сообщение», о котором и говорит М. Ю. Лотман.

Наличие кодов, их функционирование в тексте и взаимодействие с настоящей реальностью могут говорить об успешной дешифровке текста и утверждении семиотической природы рок-текстов И. Кормильцева. Данное исследование полезно не только в изучении специфики произведений данного автора, но и может рассматриваться как попытка доказательства семиотичности российской рок-поэзии в целом.

References

- Blavatskaya, Yelena. *Taynaya Doktrina. Sintez nauki, religii i filosofii*. Moskva: AST, 2016.
- Kormiltsev, Ilya V. *Rok-poeziya v russkoi kulture: vzniknovenie, bytovanie, evolyutsya*. In: *Russkaya poeziya: tekst i kontekst*. Вып. 1. Tver: Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 1998.
- Lotman, Yuriy M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Tekst kak smysloporozhdayushchee ustroystvo*. In: *Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stati i issledovania*. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014.
- Tiraspol'skiy, Gennadiy I. *Besedy s palachom. Kazni, pytki i surovye nakazaniya v Drevnem Rime*. Moskva: Intrada, 2003.